

© 1990 г

В. Н. ЗЕМСКОВ

К ВОПРОСУ О РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН 1944—1951 годы

В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников указывалось, что из Советского Союза германские оккупационные власти отправили в рабство 4 978 000 лиц гражданского населения¹. Эта цифра была установлена Управлением Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации (далее — Управление репатриации). В подписанной 20 октября 1945 г. руководителем этого управления Ф. И. Голиковым сводке, адресованной заместителю наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышову, указывалось: «...по неполным данным, врагом было захвачено и уведено всего 6 979 470, из них 4 978 735 гражданского населения и 2 000 735 военнопленных (только выявленные и учтенные)»².

Эти сведения в дальнейшем корректировались, но весьма незначительно. Так, в составленном в марте 1946 г. отчете Управления репатриации число уведенных врагом граждан СССР определялось в 6 810 567 человек, из них 4 794 087 гражданских и 2 016 480 военнопленных³. В этом и других документах Управления репатриации постоянно присутствовали оговорки: «по неполным данным», «по далеко не полным данным» и т. п., т. е. предполагалось, что в действительности число уведенных врагом советских граждан было значительно больше.

Данные, которыми мы располагаем, не дают возможности определить точное число советских граждан, оказавшихся во время войны за пределами СССР в качестве политических заключенных рейха (концлагерников), военнопленных, «иностранных рабочих»⁴, пособников оккупантов и всякого рода «беженцев». Тем не менее приблизительную их численность можно установить с помощью такого массового источника, как опросные листы и объяснительные записки репатриантов, хранящиеся в ЦГАОР СССР. Согласно свидетельствам концлагерников и военнопленных, смертность в лагерях, где они находились, как правило, была не ниже 50%, нередко составляя 70—80 и даже 90%. Судя по объяснительным запискам бывших «иностранных рабочих» — «арбайтлагерников», смертность среди них колебалась от 10 до 60%. Среди «иностранных рабочих», занятых в качестве батраков в помещичьих и крестьянских хозяйствах, смертность была относительно невелика (в пределах 10—15%). Потери, и весьма существенные, несли пособники оккупантов, особенно находившиеся на военной или полицейской службе и участвовавшие в боях.

Земсков Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

В целом же анализ опросных листов и объяснительных записок репатриантов свидетельствует, что число умерших составляло около 50%. Поскольку, как установили органы репатриации, к середине 1945 г. осталось в живых около 5 млн. попавших в годы войны за границу граждан СССР⁵, то, следовательно, всего их было около 10 млн. человек.

В настроениях советских людей, находившихся во вражеской неволе, со временем устанавливалась существенная дифференциация, главным критерием которой являлся вопрос о возвращении в Советский Союз. Многие ясно отдавали себе отчет, что в родном государстве их, скорее всего, встретят далеко не с распростертыми объятиями, что по возвращении домой с ними, возможно, обойдутся как с преступниками. Всем было известно, что военнопленных, попавших в плен, часто считали изменниками Родины. Гражданские же лица имели самое смутное представление о том, что их ожидает по возвращении в СССР, хотя многие выражали уверенность, что их «ни за что не посадят». Больше всего терзали души людей опасения, что правительство СССР может отречься от них, лишить советского гражданства. Подавляющее большинство советских людей имели все же твердое намерение вернуться на Родину, независимо от того, будут их наказывать в СССР или нет. По объяснительным запискам репатриантов можно примерно установить, что среди «восточных рабочих» твердых возвращенцев было не менее 70%, невозвращенцев — около 5%, остальные 25% составляли так называемые колеблющиеся (в большинстве они были не против возвращения в СССР, но опасались репрессий). Примерно такое же соотношение было и среди военнопленных. Концлагерники же (политические заключенные) почти все хотели вернуться на Родину.

Что касается «западников», то большинство их не разделяло уверенности многих «восточных рабочих» в том, что в Советском Союзе «ни за что не сажают». В их настроениях преобладали мотивы националистического характера, а также опасения, что в СССР их «всех уравниют», «отнимут собственность», «загонят в колхозы», «выселят в Сибирь», «запретят исполнять религиозные обряды» и т. п. По свидетельствам репатриантов, нашедшим отражение в их объяснительных записках, можно заключить, что лишь около 15% «западников» (сюда входили в основном батраки, крестьяне-бедняки и члены их семей, которым в 1939—1941 гг. Советская власть дала землю) твердо решили вернуться на Родину. Примерно сколько же было твердых невозвращенцев (в основном руководителей и активистов различных националистических группировок, кружков, комитетов и т. п.). Колеблющихся было не менее 70%. Среди «западников»-концлагерников подавляющее большинство составляли возвращенцы; среди пособников оккупантам (как «восточников», так и «западников»), естественно, резко преобладали невозвращенцы.

4 октября 1944 г. СНК СССР принял решение о возвращении на Родину советских граждан⁶. В числе причин, побудивших тогдашнее руководство страны принять такое решение (хотя Сталин и его окружение, учитывая особенности их психологии, не могли относиться к этим людям иначе как с недоверием и подозрением), мы на первое место поставили бы стремление не допустить после войны новой эмиграции, которая неизбежно стала бы орудием антисоветской политики в руках определенных кругов за рубежом. Кроме того, государство, понесшее большие людские потери, было остро заинтересовано в возвращении миллионов своих граждан, оказавшихся за границей.

Советское правительство приняло соответствующие организационные меры. Было создано специальное ведомство — Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации (оно размещалось в Москве, в Кропоткинском пер., 7). Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации, как уже отмечалось, был назначен генерал-полковник Ф. И. Голиков. 6 октября 1944 г. СНК СССР поручил ему подготовить и опубликовать правительственное обращение к советским гражданам и военнопленным⁷.

В начале ноября 1944 г. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в кото-

ром изложил позицию руководства страны по вопросу о репатриации граждан СССР. В интервью, в частности, говорилось: «...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т. п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости... Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»⁸.

Из заявления Голикова, таким образом, следовало, что советские гражданские невольники рейха (независимо от того, были ли они насильно угнаны в Германию или же выехали туда добровольно), если за ними не числилось никаких прегрешений перед Советским государством, кроме, естественно, вынужденной работы на врага в качестве «иностранных рабочих», уголовной ответственности не подлежали (это же относилось и к военнопленным, но они не освобождались от ответственности за сдачу в плен). Правда, оговорка «если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину» могла быть использована (и впоследствии была использована) как основание для ареста части отпущенных по домам репатриантов, прежде всего тех, кто выражал недовольство советской действительностью, открыто восхищался «иностранщиной» или же уклонялся от общественно полезного труда.

В середине ноября 1944 г. интервью Голикова было распространено среди советских граждан, которые находились в лагерях, освобожденных Красной Армией и войсками союзников. Его содержание вызвало вздох облегчения, но не сняло всех мучивших людей вопросов. 20 ноября в сводке Управления репатриации отмечалось: «Интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, помещенное в печати 11.11.44 г., распространяется по лагерям и имеет благоприятные отзывы со стороны военнопленных и интернированных советских граждан как в Англии, Франции, Румынии, так и в других государствах»⁹. В конце 1944 — начале 1945 г. интервью было издано отдельной листовкой (общим тиражом свыше 2 млн. экз.) и широко распространялось среди репатрируемых. Тогда же началась подготовка к выпуску серии брошюр для советских граждан, находившихся в плену или угнанных в Германию. До 1 марта 1946 г. на русском языке было издано 19 названий общим тиражом 1,1 млн. экз. Брошюры выходили также на украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках. В пропагандистской работе широко использовалась и наглядная агитация. Общий тираж специальных плакатов составил 105 тыс. экз.¹⁰

В октябре 1944 г. начали формироваться группы офицеров репатриационных миссий с целью организовать возвращение депортированных советских граждан из Финляндии, Румынии, Франции и других стран.

К 1 марта 1946 г. из зон действия Красной Армии (см. табл. 1) было репатрировано, как указывалось в отчете Управления репатриации, 3 000 277 советских граждан (1 846 802 — из-за границы и 1 153 475 — с территории СССР). Поскольку репатриант — это человек, прибывший на родину из-за границы, то указанных 1 153 475 человек (873 004 гражданских и 280 471 военнопленных) правильнее считать внутренними перемещенными лицами¹¹.

Значительно сложнее обстояло дело с возвращением на Родину советских граждан, оказавшихся в зоне действия англо-американских войск. Их репатриация (особенно вначале) шла очень медленно. Союзники явно не уделяли должного внимания этому вопросу. И только соглашения по репатриации, подписанные 11 февраля 1945 г. на Крымской конференции глав трех великих держав, ускорили процесс возвращения.

Таблица 1

Репатриация граждан СССР из зон действия советских войск
(по состоянию на 1 марта 1946 г.) *

Страна	Всего человек	в %
Советские зоны оккупации Германии и Австрии	1 447 261	78,37
Румыния	133 340	7,22
Финляндия	101 195	5,48
Польша	87 850	4,75
Чехословакия	40 655	2,20
Югославия	25 572	1,38
Болгария	3 682	0,20
Венгрия	3 259	0,18
Швеция **	3 183	0,17
Албания	805	0,05
Итого...	1 846 802 ***	100,00

* ЦГАОР СССР Коллекция документов

** Управление репатриации условно включило Швецию в зону действия советских войск, поскольку союзники не имели никакого отношения к репатриации советских граждан из этой страны.

*** В их числе 1 261 536 гражданских и 585 264 военнопленных.

Первый транспорт с советскими репатриантами, отправленными из Англии, прибыл в Мурманск 6 ноября 1944 г. Офицеры Управления репатриации приняли 9907 человек (8334 военнопленных и 1573 гражданских). Распоряжением НКВД СССР военнопленные были отправлены на проверку и фильтрацию в Таллинн, а гражданские — в г. Зашеек Карело-Финской ССР. 28 февраля 1945 г. из США во Владивосток отправился транспорт с 966 советскими гражданами. В марте 1945 г. в Одесский порт прибыли 9617 репатриантов, в том числе 5325 — из Англии, 1652 — из Италии и 2640 — из Египта ¹².

Во время войны освобожденные союзниками советские граждане, ожидая в транзитных лагерях отправки домой, стремились помочь Родине всем, что было в их силах. Об этом свидетельствует, например, массовая кампания по сбору денег и ценностей в фонд обороны ¹³. В январе—марте 1945 г. только в лагере «Святого Андрея» (Италия) советские граждане собрали и передали представителям органов репатриации 206 тыс. лир; от находящихся во Франции депортированных советских граждан в фонд обороны СССР поступило 3 982 246 франков. Группа репатриантов транзитного лагеря Басра (район Персидского залива) собрала более 3 тыс. английских фунтов стерлингов, 15 тыс. франков, свыше 20 тыс. лир; а находившиеся в лагере Бендер-Шаха (там же) — 2887 лир, 1165 марок, 1310 франков, 177 кун, 200 драхм, 200 бельгийских франков и 150 риалов ¹⁴.

На одном из транспортов советские военнопленные, отправленные в СССР союзниками в последние месяцы войны, составили коллективное письмо на имя И. В. Сталина. В нем, в частности, говорилось: «Оказавшись снова свободными гражданами, находясь в пути на Родину, мы ежедневно, ежечасно повышаем свои военные знания, проводим строевые и тактические занятия. Мы всеми силами стремимся вернуться на Родину хорошо подготовленными красноармейцами, в совершенстве владеющими оружием. Наше единодушное желание — скорее расплатиться с проклятым Гитлером за все перенесенные нами страдания» ¹⁵.

Но Сталина и его окружение, испытывавших болезненное недоверие ко всем, кто побывал за границей, больше заботила проблема надежной изоляции и тщательной проверки этих людей. Часто репатрианты целыми транспортами зачислялись в спецконтингент НКВД. Так, в середине ноября 1944 г. руководство НКВД Азербайджанской ССР получило от Отдела спецлагерей НКВД СССР депешу с грифом «Правительственная». В ней, в частности, указывалось: «Начиная 17 ноября из Бендер-Шаха в Баку будет отправлено 10 000 советских воен-

нопленных, переданных нам союзниками, которые будут прибывать в Баку партиями до 2000 человек. Из Баку все это количество военнопленных подлежит отправке в нижеследующие спецлагери НКВД: Кемеровскому станцию Кемерово 2000, Прокопьевскому станцию Зеньково 4000, Ворошиловградскому станцию Ворошиловград 2000, Петровскому станцию Сталино 2000 человек... Больных и раненых передать в местные госпитали...»¹⁶

На резонные вопросы репатриантов, не противоречит ли это содержанию интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, следовал ответ нет, не противоречит, поскольку отправка в лагерь производится не в целях наказания, а для проверки. По состоянию на 1 января 1945 г., из 96 417 человек находившихся в спецлагерях НКВД, 31 585 являлись репатриантами. Из них 23 955 — прибыли из Финляндии, 4470 — из Италии, 1347 — из Франции, 533 — из Швеции, 318 — из Польши, 282 — из Египта, 261 — из Румынии, 195 — из Германии, 153 — из Венгрии, 41 — из Греции, 27 — из США, 2 — из Дании и 1 — из Голландии. Бывших военнопленных в спецлагерях числилось 28 518 человек (в том числе 743 офицера), гражданских — 3067 человек¹⁷

С января 1945 г. уже не все принятые от союзников репатрианты зачислялись в спецконтингент НКВД. Военнопленные направлялись в Главное управление формирования Красной Армии (ГУФ КА), а гражданские — в проверочно-фильтрационные пункты НКВД (ПФП НКВД). Выявленные там преступные элементы и «внушающие подозрение» направлялись для дальнейшей проверки в спецлагерь НКВД, переименованные в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД (ПФЛ НКВД)¹⁸.

Сцены встреч репатриантов в портах, носивших, мягко говоря, неторжественный и непрасудный характер, происходили на глазах английских и американских матросов. Свидетельства последних были использованы определенными кругами в антирепатриационной пропаганде среди советских людей, оказавшихся в зонах действия союзных войск. Вот что услышал, например, репатриант В. Оболенцев от одного английского моряка о встрече французских военнопленных, привезенных на его судне в Марсель, и встрече советских репатриантов в Одессе. «Французов встречают с музыкой, цветами и большой радостью... — рассказывал этот английский моряк. — А когда я привозил русских в Одессу, то пароход разгружали с 6 утра до 4 вечера, никто их не приветствовал только жители Одессы, проходя мимо новоприбывших, бросали на них дикие взгляды. После разгрузки работники НКВД построили всех мужчин и увели куда-то на допросы. Оставшимся женщинам и детям, у которых были тяжелые вещи, пришлось всю ночь просидеть во дворе под открытым небом, ожидая, когда придут машины. Только на следующее утро, в 9 часов, пришли две старые русские машины. Несмотря на просьбу женщин, чтобы мужчины помогли им в погрузке, никакой помощи не было оказано, и женщинам самим пришлось грузить вещи»¹⁹.

Сотрудники советских миссий по репатриации за рубежом находились в сложном положении при ответах на соответствующие вопросы перемещенных советских граждан. Обычно они говорили, что сотруднику НКВД по инструкции запрещено вступать в любой контакт с непроверенными репатриантами, а помочь последним погрузить багаж — это уже вступление в контакт. По настоянию Управления репатриации с июня 1945 г. были широко организованы торжественные встречи с цветами, музыкой и транспарантами «профильтрованных» и отпущенных к месту жительства репатриантов.

18 января 1945 г. военным советам фронтов и военных округов была дана директива начальника тыла Красной Армии и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, устанавливавшая порядок приема, материального обеспечения и перевозок военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией. По этой директиве подлежали направлению:

— военнослужащие Красной Армии (рядовой и сержантский состав), находившиеся в плену, — в армейские сборно-пересыльные пункты; после проверки

в них в соответствии с установленным порядком — в армейские и фронтовые запасные части;

— офицеры, находившиеся в плену, — в спецлагеря НКВД;

— служившие в немецкой армии и в специальных строевых немецких формированиях, власовцы, полицейские и другие лица, вызывавшие подозрение, — в спецлагеря НКВД;

— гражданские лица — во фронтовые сборно-пересыльные пункты и пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД²⁰; после проверки мужчины призывного возраста — в запасные части фронтов или военных округов, остальные — к месту постоянного жительства (с запретом направления в Москву, Ленинград и Киев);

— жители приграничных областей — в проверочно-фильтрационные пункты НКВД;

— дети-сироты — в детские учреждения наркомпросов и наркомздравов союзных республик²¹.

Растущий поток репатриантов вынуждал ускорить их проверку. В директиве НКВД—НКГБ СССР, адресованной в феврале 1945 г. НКВД и НКГБ Украины, Белоруссии, Литвы и Молдавии, Главному управлению погранвойск НКВД СССР и Главному управлению НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии, в частности, указывалось: «В связи с успешным наступлением Красной Армии ожидается наплыв на проверочно-фильтрационные пункты НКВД возвращаемых на Родину советских граждан, находившихся в немецком плену и на каторжных работах в Германии... Разрешаем производить упрощенную проверку в 5-дневный срок в отношении стариков, старух и женщин с детьми, с немедленным направлением их к постоянному месту жительства. Мужчин, вызывающих подозрение и требующих более длительной проверки, немедленно направлять в спецлагеря НКВД»²².

Большинство депортированных во время войны советских граждан, насильственно оторванных от Родины, оказалось в зоне действия англо-американских войск. Сразу же после капитуляции Германии началась подготовка к приему их от союзников. В справке, подписанной 15 мая 1945 г. В. В. Чернышовым, которую мы приводим с некоторыми сокращениями, указывалось:

«1. Всего организуется по директиве Ставки (№ 11086 от 11 мая 1945 г.) лагерей для приема репатрируемых советских граждан, освобожденных союзными войсками, — 100 на 10 000 каждый, в том числе:

1-й Белорусский фронт — 30

2-й Белорусский фронт — 15

1-й Украинский фронт — 30

2-й Украинский фронт — 10

3-й Украинский фронт — 10

4-й Украинский фронт — 5

2. Проверка Ставкой возложена:

а) бывших военнослужащих Красной Армии — на органы „СМЕРШ“;

б) гражданских лиц — на проверочные комиссии представителями НКВД, НКГБ и „СМЕРШ“ под председательством представителя НКВД.

3. Для приема и проверки гражданских лиц на фронтах в составе 100 лагерей выделяется 30 лагерей, в которые и будут направляться все гражданские лица для проверки, в том числе:

на 1-м Белорусском фронте — 9

« 2-м Белорусском фронте — 5

« 1-м Украинском фронте — 8

« 2-м Украинском фронте — 3

« 3-м Украинском фронте — 3

« 4-м Украинском фронте — 2

На этих же фронтах имеется 46 сборных пунктов для приема советских гражд-

дан, освобожденных советскими войсками, в том числе:

- 1-й Белорусский фронт — 10
- 2-й Белорусский фронт — 6
- 1-й Украинский фронт — 15
- 2-й Украинский фронт — 6
- 3-й Украинский фронт — 5
- 4-й Украинский фронт — 4

4. Руководство работой проверочных комиссий возложено приказом НКВД СССР от 14.5 на уполномоченных НКВД СССР по фронтам, а там, где таковых нет, — на начальников войск охраны тылов.

...6. Для пропуска репатриантов установлено 9 пунктов, из них 7 — Висмар, Кравлетц, Пархим, Магдебург, Дессау, Торгау и Риза. Остальные два будут назначены позже.

Начало приема советских граждан намечено с 21—22/5 по 3000—5000 на каждом пункте.

7. Товарищ Берия написал в ГОКО (Государственный Комитет Оборона. — В. З.) письмо с предложением не задерживать репатриантов во фронтовых лагерях больше 10 дней. После регистрации все советские граждане (имелись в виду репатрианты-гражданские. — В. З.) подлежат направлению к месту постоянного жительства, где органы НКВД и НКГБ будут обязаны их в последующем проверить.

Военные подлежат направлению в запасные части НКО»²³.

22 мая 1945 г. ГКО установил и проверки гражданских лиц, прибывших из-за границы. Однако на практике репатрианты находились во фронтовых и армейских лагерях, на сборно-пересыльных пунктах (СПП), как правило, 1—2 месяца, а нередко и дольше.

Надо, однако, отметить, что создание сети лагерей и СПП диктовалось не только необходимостью тщательной проверки перемещенных лиц. Таким образом легче было собрать распыленные чуть ли не по всей Европе массы перемещенных лиц и поставить их на централизованное продуктивное довольствие. Предварительная изоляция репатриантов перед отправкой в СССР была совершенно необходима с медицинской точки зрения, так как среди них широко были распространены различные инфекционные заболевания (туберкулез, чесотка, брюшной тиф и т. п.). Удручающе много было зараженных гонореей и сифилисом. Укомплектованность же лагерей и СПП венерологами, гинекологами, терапевтами и другими врачами считалась достаточной²⁴. В числе главных причин создания сети лагерей и СПП было также стремление придать процессу репатриации организованный характер, не допустить анархии в этом деле. Кстати так же поступало и англо-американское командование, которое в своих зонах оккупации развернуло широкую сеть лагерей для перемещенных лиц.

До 22 мая 1945 г. подготовленные пункты по приему советских граждан от союзников пустовали, так как не был подписан «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников». Переговоры велись в г. Галле (Германия). Советскую делегацию возглавлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования — заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенант К. Д. Голубев; делегацию союзников — представитель Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск генерал Р. В. Баркер. По словам последнего, на территории, подконтрольной англо-американским войскам, насчитывалось около 1,5 млн. советских граждан (в действительности их было значительно больше).

С рядом пунктов предложенного Голубевым плана Баркер не согласился. Так, он решительно выступил против формулировки, требовавшей возвращения в СССР всех без исключения советских граждан. В категоричной форме союзники отказались производить передачу советских граждан по спискам и актам. Много споров вызвала проблема перевозки репатриантов. Баркер настой